

Ольга Шумяцкая

ТЕТКИНЫ ДЕТКИ

УДИВИТЕЛЬНАЯ ИСТОРИЯ
БОЛЬШОЙ, ШУМНОЙ СЕМЬИ

УДК821.161.1
ББК 84(2Рос-Рус)6-44
Ш96

Иллюстрация на обложке *Марины Ларченко*

Все имена и события в книге вымышлены, любые совпадения с реальными людьми и событиями случайны.

Шумяцкая О.
Ш96 Теткины детки : роман / Ольга Шумяцкая. — М. : АЗБУКА, 2025. — 352 с. — (Все счастливые семьи. Российская коллекция).

ISBN 978-5-389-30053-8

«Теткины детки» — роман, идеально вписывающийся в жанр семейной истории. Причем семья, о которой идет речь, не похожа ни на одну другую, — как тут не вспомнить Толстого, с его одинаково счастливыми и несчастливыми по-своему семьями!

Татьяна, главная героиня книги, выйдя замуж, оказывается в большой, шумной, пестрой семье. Это семейство ей не сразу понятно — жизнь здесь совсем непохожа на их с мамой тихое размеренное существование вдвоем. Но вскоре она начинает понимать, что в жизни большого клана, где все словно играют раз и навсегда отведенные роли, есть определенные законы и наблюдать за ними, по крайней мере, интересно.

С годами она становится частью этого клана, где ссорятся, мирятся, даже сплетничают и возводят напраслину. Но никогда не оставляют без поддержки и тепла.

УДК 821.161.1
ББК 84(2Рос-Рус)6-44

ISBN 978-5-389-30053-8

© Шумяцкая О.Ю., наследники, 2025
© Оформление.
ООО «Издательство АЗБУКА», 2025
АЗБУКА®

1965–1975

Сначала казалось — страшно.

Семья была большая, шумная, чужая. По вечерам за столом собиралось человек пятнадцать-двадцать. Со всех концов Москвы приезжали дядюшки и тетушки, племянники и племянницы, родные и двоюродные, близкие и далекие. Громко пели украинские песни и — тихо, плотно прикрыв дверь в общий коридор, — еврейские, местечковые. Они все были из еврейских украинских местечек и привыкли жить кучно и тесно. Когда к столу совсем ничего не было, свекровь резала большой батон и вынимала из буфета банку засахаренного прошлогоднего варенья. Время от времени в проходной комнате у белой кафельной печки — единственном теплом месте — обнаруживались иногородние родственники. Тогда свекровь пекла пироги, с утра накрывала стол, звонила из темного закутка у кухни (там на стене висел телефон, похожий на гигантскую черную муху, с тяжелой, как гантель, трубкой):

— Нюра, ты слышишь? Приехал Даня из Киева!

— Сонечка? Это я, Муся! У нас Дора из Ревды!

Хлопали двери, приходили и уходили люди.

— Едут рижане, — объявляла свекровь.

«Рио-де-Жанейро», — чудилось Татьяне.

— Завтра будет проездом Сара из Магадана! — кричала свекровь в трубку.

«Сара с Мадагаскара», — шептала Татьяна.

Сама она нигде не бывала — ни в Ревде, ни в Магадане, ни в Киеве. А уж в Рио-де-Жанейро и подавно. Названия знала из школьного курса географии и повторяла про себя с каким-то молитвенным благоговением.

Когда в клубах морозного пара или летней томи-тельной испарине в дверь вваливались чужие люди, в воздухе начинало пахнуть дальними странами. Люди сгружали в угол коричневые чемоданы, похожие на рас-трескавшийся шоколад «Алёнка», серые самострочные мешки с детсадовскими и пионерлагерными цветными надписями, вышитыми нитками мулине: «Эдик А., 3-й класс», «Соня Д., подготов. групп.». Отряхивались, осма-тривались, требовали немедленно горячей воды, мыла и полотенец, потом долго плескались в общей кухне под краном, и фыркали, и стонали от удовольствия, и кри-чали через коридор, что надо срочно разобрать чемодан, потому что домашняя колбаса с чесноком уже сутки как в дороге, а ей это вредно. И торт — чудный «Киевский» торт, безе просто шелк, а крем, вы не поверите, ни капли маргарина! — немедленно выньте и поставьте на холод, а варенье ничего, варенье переживет, что ему сделается! И входили в комнату, голые по пояс — мужчины в старых линялых галифе, женщины в черных плотных суконных юбках — вот что удивительно, даже в жару, даже в жару! — и сатиновых бюстгалтерах с большими белыми костя-ными пуговицами, чуть-чуть пожелтевшими от старости. И еще большее удивление это вызывало потому, что тут вам и соседка Марья Львовна, известная блюстительница нравов, и лысый Толька из угловой комнаты, известный на всю округу бабник и охальник, и полная кухня любо-

пытных глаз, пристально следящих за каждым неловким движением, и уши, приклеенные к замочным скважинам в надежде услышать необдуманное слово, — и вот вам белые бюстгалтеры всем напоказ, и ладно только бюстгалтеры, еще и пуговицы, почему-то олицетворяющие для Татьяны мучительный стыд телесного разоблачения в присутствии чужих людей. Пуговицы она воспринимала как печать этого стыда, поставленную на самом видном месте. Но ничего не замечалось. Ни осуждающие взгляды Марьи Львовны, ни похотливая Толькина улыбочка. Шли по темному коридору, с полотенцами на плечах, встряхивая мокрыми волосами, словно после вечернего деревенского купания. И свекровь — та самая свекровь, которую Татьяна боялась до озноба, до сжатых кулачков, до побелевших костяшек пальцев, — хохотала, бросалась на шею, душила в объятиях так, как умела только она — ни ойкнуть, ни вздохнуть, — чмокала в щеку и подводила к Татьяне.

— Это наша Танечка! А это...

Даня, Дора, Сара, Моня... Родственники. Теперь и ее, Татьяны, тоже. Родственников Татьяна боялась, сбивалась со счета, путалась. У них-то с мамой почти никого не было. Единственная тетка — мамина сестра-близняшка — приезжала из деревни раз в пять лет, и в их крошечную комнатенку на Сретенке забегали разве что Татьянины подружки.

Как они остались с мамой вдвоем, Татьяна помнила. Это совсем недавно случилось. Она тогда училась в последнем классе. Шел шестьдесят второй год, в школах уже несколько лет как ввели совместное обучение, и на двадцать три девчонки приходилось пять парней. Петька Завалишин — рыжий до боли в глазах — влюбился в нее сразу. Он к ним как раз в выпускной год пришел. В нее вообще сразу влюблялись. Учительница истории сказала как-то, что у нее глаза как на фаюмском портрете. Что

это такое, Татьяна не знала, но слова запомнила и вечером, лежа в кровати, долго вертела в голове. Они казались мягкими, уютными, фланелевыми, чуть-чуть отдающими пармской фиалкой. Татьяна как будто пробовала их на вкус.

Так вот, Петька. В тот день Петька впервые пошел ее провожать. Нет, не так: в тот день она впервые разрешила Петьке себя проводить.

— Пойдем, — сказала у подъезда, — поднимешься, чаю выпьем.

Они поднялись. Бабушка сидела в кресле у окна. Сухие руки, лежащие на подлокотниках, слегка дрожали. Увидев Татьяну, бабушка шевельнула тонкими подкрашенными губами. Высокая, волосок к волоску, прическа «а-ля Помпадур» — Татьянина мать звала ее «помпадурой» — качнулась в знак приветствия. Татьяна подошла, таща Петьку за собой. Бабушка ласково посмотрела на них, вздохнула и умерла. Татьяна закрыла ей глаза и пошла звонить матери, на фабрику.

— Тебя ждала, — сказала мать. Выдвинула ящик комода и вынула оттуда старый коричневый пуховый платок с дырками вместо ажурного рисунка — повесить зеркало.

Так они остались вдвоем.

А Петька что? Петьку Татьяна потом видела всего раз на встрече друзей, лет через тридцать после окончания школы. Поинял, стерся, Татьяна с трудом его узнала. А он — он посмотрел на нее угрюмо и пробормотал что-то о глазах, которые никакое время не берет. Это к вопросу о фаумском портрете. Сама-то Татьяна считала, что глаза у нее как чернильные кляксы.

Последние годы, когда бабушка уже не вставала, Татьяна с матерью вынимали ее по утрам из кровати, надевали белоснежную блузку, синий саржевый костюм, сооружали на голове «помпадур» и подносили маленькое зеркальце. Бабушка смотрелась в него, тонким, сухим

пальчиком тщательно разглаживала морщины на вельветовом от старости лбу, проводила по тонким губам помадой, пуховкой — по впалым щекам, будто сделанным из мятой рисовой бумаги, и кивала: можете идти. Они и шли: Татьяна в школу, мать на работу, на трикотажную фабрику.

Вечером мать первым делом кидалась к керосинке, варила картошку, или пшенную кашу с тыквой — Татьяна особенно любила, чтобы с тыквой, — или вермишель — бабушка предпочитала «Экстру» — и, роняя по дороге тряпки, обжигаясь, чертыхаясь, несла в комнату. Мясо ели нечасто. Если честно, почти совсем не ели. Разве что на день рождения или праздник какой. Однажды матери дали премию, и она решила кутнуть. Зашла в кулинарию, купила три отбивные. Придя домой, сразу кинулась жарить. Хотела успеть к Татьянинному приходу. Но тут бабушка крикнула что-то своим высоким птичьим голосом, и мать бросилась на зов. Вернувшись, обнаружила на кухне соседскую девчонку Нинку, которая хватала отбивные со сковородки и торопливо засовывала в рот. Увидев хозяйку, Нинка отскочила в сторону, на секунду замерла, прыгнула обратно и цапнула оставшуюся отбивную. Прожевав, она осуждающе посмотрела на Татьянину мать и сказала как бы в никуда, в пространство:

— А говорят, им есть нечего! Говорят, на одну зарплату живут! Офицерские-то жены!

Офицерской женой была мать. Татьяна — офицерской дочерью. Бабушка — офицерской матерью. Татьяниной матери Евдокии Васильевне ее оставил отец, когда ушел к другой.

— Вот, — сказал, — Дуся, ухожу. Поживешь пока с мамой.

Та кивнула. С чужой мамой она прожила семнадцать лет.

Как это произошло, Татьяна не помнила. Об уходе отца знала со слов матери. Еще знала, что в отца пошла мастью

и наружностью. В детстве мать подолгу вглядывалась в ее лицо, протягивала руку, чтобы погладить по голове, но никогда не гладила. Татьяна выросла и стала думать, что отцовские гены, столь резко проявившиеся в ней, не давали матери любить ее так, как обычно любят родители своих детей. И привыкла считать себя недолюбленной.

Она помнила высокого человека в гимнастерке. Как пили чай из розовых фарфоровых чашек, похожих на лепестки диковинного цветка. Чашки бабушка вынимала из буфета раз в году — когда на пороге появлялся тот самый высокий человек в гимнастерке. Еще Татьяна помнила, как горели бабушкины щеки, как, повернувшись к высокому человеку, она заглядывала ему в глаза, как гладила широкую мужскую руку с папиросой, зажатой между указательным и средним пальцами, как суетливо пододвигала пепельницу, как подливала чай, стуча носиком чайника о край чашки. Как появлялась на пороге мать, бледнела, резко разворачивалась и уходила к Белкиным, в соседнюю комнату, и там сидела на чужой кружевной кровати, похожей на торт с меренгами, сгорбившись и закрыв лицо руками. Татьяна шла за ней и стояла рядом, положив маленькую детскую ладошку на седую голову с тощими косицами, собранными на затылке в невзрачную корзиночку. Ей хотелось отнять материнские руки от лица и посмотреть, что там, за этими руками, она так отчаянно скрывает.

— Хоть бы яблоко ребенку принес! — глухо шептала мать.

Как-то — Татьяне тогда было лет шесть — высокий человек взял ее на руки, внимательно посмотрел ей в лицо, и она вдруг узнала в нем отца — по глазам, похожим на чернильные кляксы.

— В зоопарк пойдешь со мной? — спросил отец.

Татьяна кивнула. Ей показалось, что в грудь ей вложили маленький уголек. Тот потом всегда появлялся,

когда Татьяна волновалась, и каждый раз ей вспоминался зоопарк.

— Пойду! — шепнула она.

— Вот и хорошо. Завтра и отправимся. Будь готова к пяти, я за тобой зайду.

Он не зашел ни в пять, ни в шесть. В семь мать расплела Татьянины косички, убрала алые ленты, специально купленные по такому случаю, сняла с нее новые лаковые башмачки, аккуратно сложила выходное платье. Больше Татьяна отца не видела.

Краем уха слышала, как бабушка говорила матери, что отца перевели в другую часть, куда-то на Дальний Восток, и в Москве он долго не появится. А потом она о нем забыла, как забывают дети обо всем, что исчезает из поля их зрения. Мать замуж больше не вышла и после смерти бабушки быстро сама превратилась в старушку. Хотя было ей тогда от силы сорок...

Здесь все было другое. Когда Леонид впервые привел Татьяну в дом знакомиться с родными, она, оглушенная, не зная, что говорить, что делать, куда смотреть, кому отвечать, шарахнулась к книжным шкафам.

— Сколько книг у вас! Как в библиотеке. Надо составить полный список.

Села подальше, в уголок, взяла карандаш, старательно вывела на клетчатом тетрадном листочке: «1-й шкаф», «2-й шкаф».

Этот «шкаф» долго жил в семейных анекдотах. Татьяна злилась, краснела, потом привыкла, сама стала рассказывать как забавный казус. Она вообще быстро пообвыкла. Прижилась. Освоилась — стала своей. Сблизилась с Лялей, старшей сестрой Леонида. Спустя много лет Ляля говорила, что в тот «книжный» вечер брат привел ей не невестку, а сестру. Это была правда. Они дружили, как не дружат родные сестры.

На самом деле ни о каком «шкаве» Татьяна не помнила, как не помнила отца. Память ее была выборочной. Все неудобное, неприятное, ненужное, некрасивое выскакивало из нее, как мелкая рыбешка проскальзывает сквозь ячейки рыбацкой сети. Эту способность отбрасывать в сторону камешки, встречавшиеся на пути, и, не оглядываясь, идти дальше, Леонид называл инстинктом самосохранения. Татьяна с ним соглашалась и думала про себя, что бы с ней стало в этой огромной чужой семье, если бы не этот инстинкт. И тренировала память на услужливость. Сквозь плотный туман, устилавший прошлое, на свет пробивались лишь золотые картинки.

Вот широкая квадратная комната с трех окон. На них — кружевные занавески. Цветов нет. Закатное солнце, проходя сквозь кружево, чертит на дубовом полу странные узоры, похожие на детские неуклюжие рисунки. На Сретенке, в их с матерью девятиметровой комнатенке, узкой, как тараканья щель, окно было одно. Голое окно, выходящее на стену соседнего дома. А тут окна выходят во двор. Во дворе — качели, два куста акации, шиповник, песочница, стол, рядом — скамейка, выструганная каким-то местным умельцем. Почти дача. В углу комнаты — пузатая белая кафельная печь. Посреди — круглый стол под плюшевой скатертью с длинными кистями. На ней — райские птицы с рыжим оперением, ядовито-зеленые листья и малиновые цветы. На Сретенке, в их с матерью комнате, никакого стола не было. Стояли три кровати — ее, материна и бабушкина. Последние — по двум длинным стенкам, ее — возле окна. Они занимали все жилое пространство. Оставалось немного места для клетки с белой мышкой, принесенной Татьяной из школьного живого уголка, и маленького фанерного буфетика, в котором бабушка хранила чашки — те самые, из розового фарфора, похожие на лепестки диковинных цветов. Когда приходили гости — редко, но

случалось, — в комнату вносили кухонный стол, предварительно спросив у соседей Белкиных разрешения переставить к ним керосинку. Тут никаких керосинок не было. На кухне — пять газовых плит. Десять семей — пять плит. Нормально.

Леонид подталкивает ее вперед. Татьяна переступает порог и окунается в медовое закатное марево. Навстречу ей встает женщина. У женщины все высокое — брови, словно две гусеницы, сдвинутые в переносице и поднимающиеся к вискам; лоб, убегающий к иссиня-черным волосам; волосы, уложенные на голове короной; большая грудь под вышитой блузкой с воротничком апаш. Женщина вынимает папиросу, крепко, по-мужски, стучит ею о портсигар, сует в рот и большими мужскими шагами подходит к Татьяне.

— Ну, здравствуй! — говорит она хорошо поставленным басом. Папироса подсакивает на губе. — Марья Семеновна! — и протягивает Татьяне мужскую ладонь.

Татьяна сует ей свою ладошку. Женщина берет ее, встряхивает так, будто хочет выбить девушке плечевой сустав, и усмехается. Из-за ее спины выглядывает женщина помоложе. У нее такие же высокие, резко очерченные, густые украинские брови, и лоб, и грудь, и аккуратный носик, только волосы собраны в тяжелый низкий узел и в глазах какая-то ласковая приветливая насмешливость. Она выскальзывает из-за спины Марьи Семеновны, прячет руки за собой и медленно, важной страусиной поступью, обходит Татьяну. В белой блузке и синих шароварах она похожа на школьницу, съевшую слишком много булочек.

— Ляля! — строго произносит Марья Семеновна.

Ляля прыскает и останавливается перед Татьяной.

— Значит, пинг-понг... — говорит она.

Потом они часто пили за пинг-понг. Первый тост на годовщинах свадьбы: «За пинг-понг!» На днях рожде-

ния — сначала «За здоровье!», потом «За пинг-понг!». Когда Катька родилась — «Ну, за пинг-понг!».

Пинг-понг стоял на лестничной клетке второго этажа. Вся институтская молодежь собиралась там в обеденный перерыв. Татьяна тоже приходила. К институтской молодежи она себя не причисляла. Стеснялась. Институтская молодежь — все сплошь молодые специалисты, будущие кандидаты наук, а она — техник, сидит за чертежной доской, обводит остро заточенным карандашиком чужие умные линии. В пинг-понг Татьяна не играла. Пряталась за спинами. Наблюдала. Считала чужие ошибки. В школе она лучше всех делала подачи, такие кренделя закручивала! Однажды, выглядывая из-за чьего-то плеча, увидела новое лицо: кудрявые темные волосы, высокий лоб, смуглые щеки с выпирающими скулами и странные глаза — со смехоточинкой. Татьяна загляделась на эти глаза и не заметила, как Валька из планового отдела широко размахнулась и со свистом мазнула ракеткой мимо шарика. Он отскочил от стола, срикошетил об стену и упал под ноги новичку. Тот шарик поднял, внимательно рассмотрел, сделал шаг вперед, растолкал народ и протянул Татьяне, вжавшейся в стену.

— А сейчас не моя подача, — испуганно прошептала Татьяна.

— Значит, моя, — засмеялся парень.

Татьяна ухватила за шарик и попыталась вынуть его из длинных смуглых пальцев. Но новичок шарик не отпускал, тянул к себе вместе с Татьяниной рукой и улыбался.

— А я вообще не играю, — так же тихо проговорила Татьяна и тоже улыбнулась.

— А я играю, — сказал он, выпустил шарик и сжал Татьянину руку. — Леонид.

Шарик немножко попрыгал и укатился под стол. Они не заметили.

Вечером он пригласил ее в кафе. Решили пойти на площадь Восстания, в высотку.

— Что будем пить? — спросил Леонид, когда они уселись за столик.

— Мне «Буратино», — попросила Татьяна, потупив взгляд.

— Ага, «Буратино», значит, — задумчиво протянул Леонид и заказал красного грузинского вина. — А есть?

— Мне мороженое, ванильное, — прошептала Татьяна, краснея. Еще никто никогда не приглашал ее в кафе и не спрашивал, что она будет пить и есть.

— Ага, мороженое, значит, — задумчиво протянул Леонид и заказал цыпленка табака, столичный салат, пирожное «буше». Ну и мороженое, разумеется.

Весь вечер она боялась, что ему не хватит денег.

Когда официант принес счет, Татьяна схватила сумочку и поспешно вытащила оттуда маленький черный кошелек с застешкой-бантиком.

— Вот... зарплата... как раз сегодня... — пробормотала она.

Леонид засмеялся, взял у нее из рук кошелек и засунул обратно в сумку.

— Вы, девушка, очень удивитесь, но у меня тоже зарплата... как раз сегодня.

Они вышли из кафе. Только что прошел дождь, и пленка облаков затягивала небо, как глаз старой больной птицы. Парило. От луж поднимался запах мазута.

— Пошли к бульварам, — предложил Леонид.

И они пошли к бульварам. Шли по улице Герцена — Татьяна по краю тротуара, а Леонид по мостовой, держа ее за руку, как держат ребенка, забравшегося на высокий парапет, и загребая носком левого ботинка влажный, серый, свалевшийся, словно старая вата, тополиный пух. Когда вошли на Тверской, над городом нарисовалась радуга. В то лето каждый день шли дожди и каждый день небо строило радужные ворота в их новую жизнь.

— Смотри, — сказал Леонид. — Радуга. Это на счастье. — Он поднял указательный палец и начал считать цвета. — Каждый...

— Охотник... — отозвалась Татьяна.

— Желает...

— Знать...

— Где...

— Сидит...

— Фазан. — Вдруг он остановился и повернул ее к себе: — А я завтра утром уезжаю.

— Куда? — растерянно прошептала Татьяна.

— На юг. На месяц. Матушка достала путевку. Она у меня большой профсоюзный деятель.

— Умывальников начальник и мочалок командир?

И испугалась. Была у нее такая особенность: при всей своей огромной стеснительности сказануть иной раз что-нибудь эдакое, чего сама от себя не ожидала. Леонид засмеялся, притянул ее к себе и поцеловал.

— Я привезу тебе гранаты, — посулил он.

— И рубины, — сказала она, и ей вдруг стало легко. Так легко, будто она превратилась в воздушный шарик, наполненный гелием.

— И рубины, — повторил он.

И они обнялись.

Через два дня, выходя после работы из института, Татьяна обнаружила Леонида. Он сидел на крыльце и пинал ногой камешек.

— Я сбежал, — сказал он и протянул ей гранат. — Вот. На рынке купил. На Центральном. Как обещал.

— А как же матушка?

— Матушка испугалась, решила, что-то случилось. Пойдем.

— Куда?

— Как куда? К матушке.

— Как же тебе отпуск дали? — спросила она по дороге. — Ты же в институт только пришел.

— Я в институте год как работаю. Ты что, не замечала?

— Не замечала.

— А я тебя замечал, — сказал он нарочно беспечным голосом.

И они поднялись на крыльцо.

— Значит, пинг-понг? — спросила Ляля, окидывая Татьяну снизу вверх быстрыми украинскими глазами и покачиваясь с пятки на носок.

— Ляля! — строго повторила Марья Семеновна.

Ляля сверкнула черным глазом, поднялась на цыпочки и вдруг вlepила Татьяне в щеку смачный поцелуй.

— Ляля, Ляля! Ля-ля-ля! — пропела она, побежала куда-то в сторону и вернулась, таща за руку высокого человека с маленькими очочками в золотой оправе на тонком горбоносом лице. — Позвольте представить — Миша, мой двоюродный муж!

Татьяна неуверенно улыбнулась, не понимая, надо ли смеяться над этими странными словами или следует все же спросить, что это за штука такая — «двоюродный муж». А Ляля между тем продолжала:

— И целыми днями: «Ляля-Ляля! Ляля-Ляля!» Хоть бы что-нибудь новенькое придумали!

— А вас разве не Лялей зовут? — спросила Татьяна.

— Лялей меня зовут. Но представляешь, как надоедает! Сказали бы, к примеру: «Давай, Катя; тащи чай!»

— Давай, Катя, тащи чай! — сказал Миша, и Татьяна поняла, что пропала.

Она обернулась, как бы прося помощи у Леонида, но его поблизости не оказалось. Тут-то она и наткнулась взглядом на многострадальный «многоуважаемый шкав».

Она сидела в углу, склонившись над тетрадным листочком, ломая карандашный грифель о подлое слово «шкaв» и глотая обидные слезы, когда дверь тихонько отворилась

и в комнату скользнула тень не тень, фигура не фигура, так, мазок серой краски в пространстве. Марья Семеновна поднялась и пошла навстречу тени, протягивая руки.

— А вот и Риночка! — пропела она. Голос ее был сладок и чуть-чуть напряжен. — Проходи, Риночка, садись. Сейчас чай пить будем. Ляля!

— Катя! — тут же отозвалась Ляля.

Но Марья Семеновна посмотрела строго, и Ляля помчалась на кухню.

Чай пили с огромным бисквитным тортом, украшенным ядовито-красными розами. Леонид подцепил самую большую из них и плюхнул Татьяне на тарелку.

— Мишку за этим тортом к меховщику гоняли! — шепнул он, и она снова — в который раз за этот вечер! — поразились. Какой меховщик? Что за меховщик? Почему к меховщику надо бегать за тортом?

Ляля болтала ложечкой в стакане, бросая на Татьяну быстрые лукавые взгляды. Миша тоже болтал ложечкой, но глядел не на Татьяну, а на Лялю. Он всегда на нее глядел и как бы примеривался — к ее настроению, словам, улыбкам, взглядам. Уловив в ее лице что-то, одному ему понятное, облегченно вздохнул и засмеялся. Ляля потянулась за сахарницей, но он перехватил ее руку и быстро поцеловал в ложбинку между большим и указательным пальцами. И это тоже поразило Татьяну. Она не знала, что можно вот так просто, за чайным столом, на глазах у всех поцеловать жене руку, а потом долго держать, поглаживая пальцем нежную впадинку, где линия то ли любви, то ли жизни делит ладонь пополам.

Марья Семеновна сидела чуть поодаль — в торце, рядом с Риной, низко склонившейся над вазочкой с вареньем. Ела Рина странно. Не ложку несла ко рту, а лицо к ложке, высоко подняв острые плечики, а голову — наоборот — опуская все ниже и ниже. Взгляд ее из-под плотных подушечек век, заслоняющих глаза, был косой и насто-

роженный. Не то чтобы оценивающий, скорее недоверчивый и выжидательный. Недобрый взгляд. «Может, она в Леонида влюблена?» — подумала Татьяна, и мысль эта потом долго мучила ее. Марья Семеновна подкладывала Рине варенье и приговаривала:

— Ешь, Риночка, ешь. Еще бери, не стесняйся. Тортик бери. Дома-то, наверное, тортик нечасто бывает.

Рина краснела, еще больше горбилась, но кивала и тортик брала. На Татьяну Марья Семеновна почти не смотрела. Поначалу сунулась было с расспросами: где, мол, училась, а мама у нас кто, а на какой фабрике. Но Леонид сделал какое-то неуловимое движение, и Марья Семеновна осеклась, замахала руками — все-все-все! удаляюсь! и слова больше не скажу! даже не просите! И села с краю. И обернулась к Рине. И теперь задавала свои вопросы ей, а та жужжала что-то в ответ. «Жужжала» — это Татьяна потом придумала.

«Пошла жужжать!» — усмехалась она, когда Рина начала играть в Золушку, угнетенную невинность.

Рина действительно говорила тихо и как бы нехотя, с трудом проталкивая слова сквозь плотно сжатые узкие губы. Скажет слово — и молчит. Платышко на ней было унылое, школьное, с заплатками на локтях, а девочка уже вполне взрослая — не школьница, студентка, наверное. Это Татьяна сразу заметила. Еще заметила породу — пудельково-кудельковая. И резкой синевы глаза — глаза, которые Рина будто нарочно прятала за плотными припухлыми подушечками век. Такие веки Татьяна видела впервые. Разговора ее с Марьей Семеновной она не слышала. Так, шелест какой-то. Доносились отдельные слова: «...мама... отец... а как же ты, Риночка... совсем не дают... уйду... общежитие». Татьяна поняла, что Рина жалуется.

— Риночка у нас будущий педагог! — сообщила Марья Семеновна, подкладывая варенье в Риночкину вазочку. — Будет вести русский и литературу.

— Ну, хватит! — Ляля хлопнула ладошкой с коротенькими толстыми пальчиками по столу и поднялась. — Уберите со стола, играем в карты!

— В карты? — поразилась Татьяна. У них в доме после семейного чаепития никогда не играли в карты.

— В карты, в карты! А то сейчас уснете. В кинга. Миша, тащи колоду! — и быстро смела все со стола.

Играли парами: Леонид с Татьяной, Ляля с Мишей. Рина сидела за спиной Леонида, заглядывала через плечо, шептала что-то ему на ухо, иногда протягивала руку, бралась за какую-нибудь карту и кидала ее на стол. «И чего лезет!» — подумала Татьяна, но через минуту забыла и о Рине, и о шепоте, и о руке, протянутой через плечо Леонида. Ляля объяснила правила. Татьяна выслушала, кивнула и вдруг почувствовала в груди знакомое жжение. Уголек. Только не доставляющий боль, не острый, а горячий и приятный. Она взмахнула рукой, хлопнула картой об стол, и игра пошла.

Если бы в тот вечер Татьяна увидела себя со стороны, то сильно бы удивилась. Азарт никогда не значился в числе ее достоинств. Но тут — и глаза разблестелись, и щеки разгорелись, и волосы растрепались, и...

— Ты чем кроешь! Ты думай, чем кроешь! — кричала Татьяна на Леонида, и искры летели из ее чернильных глаз. — Взятку пропустил, дурак такой! Они же нас обставят, как котят!

Леонид широко раскрывал глаза. Ляля смеялась. Миша поглядывал на Лялю, понимал, что можно, и тоже посмеивался. Марья Семеновна качала головой. Рина сидела с каменным лицом. Татьяна бросала карты и продолжала:

— Все! Так я больше не играю! К чертовой матери! — и вскакивала из-за стола.

— А ты ничего! — сказала ей Ляля на прощание. — Я думала, манная каша, а нет, ничего, — и вlepила в щеку еще один поцелуй.

— Вот ты ее целуешь, — подал голос Леонид, — а я ее, между прочим, тепленькой взял.

— В каком смысле?

— В том смысле, что месяц назад она чуть было замуж не выскочила.

— Это правда? — строго спросила Ляля, поворачиваясь к Татьяне.

— Правда, — прошелестела Татьяна, становясь прежней и чувствуя себя перед Лялей как нерадивая ученица перед строгой учительницей.

— За кого? — еще строже спросила Ляля.

— За курсанта одного. На вечере познакомились... в военном училище, — еще тише прошелестела Татьяна.

— И до чего дело дошло? — Ляля грозно сдвинула украинские брови.

— Ни до чего. С родственниками повел знакомить, — еле слышно прошептала Татьяна.

— Ага! Значит, с одними родственниками ты уже знакомилась.

— Нет, я не знакомилась! Вы не думайте! Я сбежала! — закричала Татьяна, отчаянно пытаюсь оправдаться.

Лялины брови поползли вверх.

— Как так?

— Ну, пока он ключи искал, я и... на улицу. А там... там мама, папа, бабушка... два... бабушка.

— Сколько? Бабушек сколько?

— Одна. Все уже за столом сидели. Меня ждали.

— Еще кто? — продолжала допрос Ляля.

— Тетя Лиза с семьей и дядя Коля... генерал... из Киева... специально приехал. Стыдно... — Голос Татьяны угас.

— Стыдно, — согласилась Ляля. — Значит, дядя Коля. Генерал. Из Киева, — сурово подытожила она.

Татьяна обреченно кивнула.

— Так-так.

Литературно-художественное издание
Әдеби-көркем басылым

Шумяцкая Ольга

ТЕТКИНЫ ДЕТКИ

Ответственный редактор *М. Смылова*
Литературный редактор *Д. Судавная*
Технический редактор *Л. Сеницына*
Художественный редактор *А. Демочкина*
Корректор *В. Алексина*
Верстка *С. Иванова*

Подписано в печать / Баспаға қол қойылды 13.08.2025.

Формат 84 × 108^{1/32}. Гарнитура «Spectral».

Бумага офсетная. Печать офсетная. Усл. печ. л. 14,5.

Тираж 2500 экз. Т-НFR-39204-01-Р. Заказ № .

Изготовитель:	Өндіруші:
ООО «Издательство АЗБУКА»	«АЗБУКА Баспасы» ЖШҚ
обладатель товарного знака АЗБУКА	АЗБУКА тауар белгісінің иесі
115093, Москва, вн. тер. г.	115093, Мәскеу, қ. іш. аум.
муниципальный округ Даниловский,	Даниловский муниципалдық округі,
пер. Партийный, д. 1, к. 25	Партийный т.ш., 1-үй, к. 25
Тел. (495) 933-76-01, факс (495) 933-76-19	Тел. (495) 933-76-01, факс (495) 933-76-19
E-mail: sales@atticus-group.ru	Эл. поштасы: sales@atticus-group.ru
Филиал ООО «Издательство АЗБУКА»	Санкт-Петербург қаласындағы
в г. Санкт-Петербурге	«АЗБУКА Баспасы» ЖШҚ филиалы
191024, Санкт-Петербург,	191024, Санкт-Петербург,
Херсонская ул., д. 12–14, лит. А	Херсон көшесі, 12–14 үй, лит. А
Тел.: (812) 327-04-55	Тел.: (812) 327-04-55
E-mail: trade@azbooka.spb.ru	Эл. поштасы: trade@azbooka.spb.ru
www.azbooka.ru; www.atticus-group.ru	www.azbooka.ru; www.atticus-group.ru

Отпечатано в России. Ресейде басып шығарылған.

Сведения о подтверждении соответствия издания
согласно законодательству РФ о техническом регулировании можно получить
по адресу: <https://certification.atticus-group.ru/>.

Техникалық реттеу туралы РФ заңнамасына сай басылымның сәйкестігін
растау туралы мәліметтерді мына адрес бойынша алуға болады:
<https://certification.atticus-group.ru/>.

Знак информационной продукции
(Федеральный закон № 436-ФЗ от 29.12.2010 г.)

Ақпараттық өнім белгісі (29.12.2010 ж. № 436-ФЗ федералдық заң)

